

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СИНХРОНИЯ И ДИАХРОНИЯ
В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Часть I

Москва 1988

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

*Мониторинг и библиографический
интерес к синхронии и диахронии*

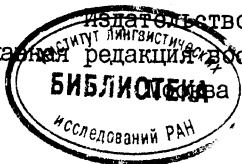
СИНХРОНИЯ И ДИАХРОНИЯ
В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Часть I

Вопросы
С. Кривоногов *Лукан*
И. А. Смирнов *И. А. Смирнов*
И. А. Смирнов *И. А. Смирнов*

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы

БИБЛИОТЕКА 1988

8. ПУРГОМИ Н. ЗАБАН-Э ФАРСИ АЗ ПАРАКАНДЭГИ ТА ВАЛДАТ, ТЕМРАН, 1974.

9. Рубинчик Ю.А. Некоторые особенности формирования и развития лексики современного персидского языка (период до революции 1979 года). – Развитие языков в странах зарубежного Востока (послевоенный период). М., 1983.

10. Рубинчик Ю.А. Новая лексика персидского языка и пути ее пополнения. – Иранское языковедение. Ежегодник 1981, М., 1985.

Крылов С.А.

НЕЕДИНСТВЕННОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ
КАК ОДНА ИЗ ТРУДНОСТЕЙ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ
(на материале современного халха-монгольского языка)

Памяти Н.К.Соколовой

Пытаясь охарактеризовать халха-монгольский язык (ХМЯ) с точки зрения параметров, релевантных для морфонологической типологии (о задачах этой дисциплины см., напр., /4;13/, невольно убеждаешься в справедливости вывода, согласно которому "самая значительная из трудностей, с которой непременно сталкивается лингвист, занимающийся типологией вообще и поиском лингвистических универсалий в частности, состоит в том, что зачастую невозможно определить, являются ли некоторые феномены в различных языках соотносимыми друг с другом" /10, с.84/. Признание того, что "грамматики, описывающие языки в целях типологического сопоставления, должны пользоваться единообразными моделями описания" /2, с.86/, не снимает с повестки дня проблему выбора между альтернативными (взаимоисключающими) трактовками одних и тех же языковых фактов. Проблема множественности моделей одного явления активно обсуждалась в структурной лингвистике (см. /12;9;2; с.74–109 с библиографией/). В данном случае речь пойдет о неединственности решений конкретных морфонологических проблем при использовании единого концептуально-терминологического аппарата. Трудность здесь в том, что "некоторое явление в том или ином конкретном языке может быть описано по-разному,

причем все описания оказываются – в рамках принятой системы понятий – одинаково адекватными и (более или менее) одинаково экономными. В такой ситуации строго доказать (в точном смысле слова) неприемлемость одной трактовки или полное превосходство другой, не меняя исходную frame of reference, абсолютно невозможно" /9, с.211/.

Разберем несколько примеров.

1. Есть ли в ХМЯ смысловозначительное противопоставление долгих и кратких гласных морфем? Ответ зависит от того, принимать ли для долгих гласных звуков монофемную или бифемную трактовку: в первом случае есть простая оппозиция по долготе/краткости, во втором – нет.

2. Есть ли в ХМЯ морфонологический сингармонизм? Ответ зависит от того, считать ли сингармонизм в ХМЯ фонологическим или морфонологическим явлением. В пользу "фонологической" трактовки как будто свидетельствует то, что в подавляющем большинстве случаев восстановление инвариантного облика суффиксов и формантов, имеющих сингармонические варианты, осуществимо без обращения к инвентарю значимых единиц ХМЯ. В пользу "морфонологической" или даже "морфологической" трактовки свидетельствуют: а) факт наличия "клитик" – служебных морфем, не подвергаемых действию сингармонизма, но составляющих единое акцентное слово с предшествующей словоформой (таких, как посессивные показатели "мань", "тань" и т.п.); б) факт наличия неадаптированных заимствований, не подвергаемых сингармонизму. Однако с обеими трудностями можно справиться, оставаясь в рамках "фонологической" трактовки: достаточно провести границу сферы действия сингармонизма ("гармонического слова") между словоформой и клитикой, а саму клитику считать отдельным гармоническим словом; что касается "иностранных" слов, то их можно считать принадлежащими не к "стандартной" фонологической подсистеме языка, а к "монструозной", охватывающей идеофоны, экспрессивные образования, неадаптированные заимствования и прочие "чужеродные" элементы. Пока все эти вопросы не решены, остается открытым и вопрос о морфонологическом статусе сингармонизма.

3. Есть ли в ХМЯ "значашие" чередования ("апофонии")?

Ответ на этот вопрос зависит от выбора того или иного способа описания соотношения между словоформами. Возьмем, например, образование мн.ч. существительных с помощью показателя "-д": "ноёд" "князья" от "ноён"; "хаад" "ханн" от "хаан"; "нехед" "товарыши" от "нехер"; "нугад" (устар.) от "нугас"; "хувцад" (устар.) от "хувцас" "одежда", "түшмэд" "чиновники" от "түшмэл" (ср. совр. формы "нугасууд", "хувцасууд"). Описать такие соотношения можно следующими способами.

А. Отрезки "-н", "-р", "-с" признаются суффиксами "общего числа" (в ХМЯ мн.ч. противопоставляется не "единственному", а "общему" числу), отрезок "-д" — суффиксам мн.ч. Этот способ резко противоречит общим закономерностям формообразования ХМЯ: у подавляющего большинства существительных "общее число" не выражается каким-либо аффиксальным показателем вообще (т.о., немаркированность "общ.ч." в плане содержания сопровождается немаркированностью в плане выражения), а значит, нулевая манифестация общ.ч. семантически мотивированна. Кроме того, в пользу отнесения отрезков "-н", "-р", "-с" к основе говорит их сохранение в таких деривационных образованиях, как "хаант" ("ханский"), "нехерлех" ("дружить"), "хувцасжих" ("приобретать одежду"), "хувцаслах" ("одеваться, одевать"), "хувцасчин" ("портной") и т.п. Так как способ А — единственный способ описать образования мн.ч., не прибегая к понятию чередования, то отказ от этого способа влечет за собой признание чередований в составе основы.

Б. Показателем мн.ч. в указанных формах признается "симульфикс" (в смысле /6, с.176/, или "апофония" (в смысле /14, с.98/), соотв. "н ⇒ д", "р ⇒ д", "с ⇒ д" окажутся дополнительно распределенными алломорфами одной морфемы (включающей, кроме симульфиксов, также суффикс "-д", представленный, напр., в формах мн.ч. "дусад" "другие" от "бус", "сурагчид" "ученики" от "сурагч") или апофониями одной апофониэмы (возможно, включающей, кроме вышеуказанных апофоний-мен, также апофонию-вставку "∅ ⇒ д"). Приняв способ Б, мы должны будем утвердительно ответить на вопрос 3. Против способа Б свидетельствует "эвристический принцип" морфологического описания, согласно которому описание в

терминах аффиксации предпочтительнее, чем описание в терминах модификации (в частности, апофонии), см. /14, с.79/.

В. В морфологической структуре соответствующих форм усматривается сочетание сегментного средства (суффикса "-д") с суперсегментным средством (усечением) последнего согласно основы). Внутри способа В можно выделить три разновидности, связанные, впрочем, с различиями в концептуально-терминологическом аппарате описания.

В1. В соответствии с "эвристическим принципом С", согласно которому "если морфологическое значение может быть приписано разным морфологическим процессам, постарайся выбрать один из них в качестве носителя этого значения и трактуй остальные как вызываемые им и сопровождающие его" /14, с.80/, носителем значения мн.ч. признается сегментная морфема — суффикс "-д", а усечение последнего согласно основы признается "пустой модификацией" /14, с.51-54/, конкретнее, "пустым чередованием" /14, с.58/, конкретнее, "морфонологическим пустым чередованием" /14, с.59/, происходящим в контексте суффикса "-д" (NB: такое употребление термина "морфонологический" широко распространено, но представляется нежелательным). При этом у суффикса "-д" будут пять алломорфов, отличающихся своими синтактиками: один из них (поствокальный) не вызывает усечения, другой вызывает усечение "н" ⇒ ∅, третий вызывает усечение "р" ⇒ ∅; четвертый вызывает усечение "с" ⇒ ∅, пятый вызывает усечение "д" ⇒ ∅. У соответствующих корней будет по два алломорфа — усеченный и полный.

В2. Носителем значения мн.ч. признается сегментная морфема — суффикс "-д", а усечение корневой финали трактуется как пустая апофония. Четыре вышеперечисленных правила усечения (а возможно, также "нулевая апофония", постулируемая для поствокальных контекстов) будут считаться алло-апофониями одной апофониэмы /14, с.102/, распределенными относительно корневой финали.

В3. В соответствии с принципом, согласно которому "воздействие на соседние сегменты составляет столь же существенную и неотъемлемую характеристику экспонента воздействующей морфемы, как и фонемный состав ее собственного

сегмента /6, с.172/, выразителем значения мн.ч. признается сочетание сегментного средства (аффикса) с суперсегментным средством (усечением). В этом случае про морфему мн.ч. в целом (равно как и про ее алловарианты) нельзя, строго говоря, утверждать, что она – "сегментная". Морфема оказывается сочетанием двух субморфем – сегментной и суперсегментной.

В4. Выразителем мн.ч. признается идиоматичное сочетание двух морфем – сегментной и суперсегментной. Сегментная морфема – суффикс "-д", суперсегментная – симульфикс (усечение). Принципиальная возможность описывать подобные случаи с помощью понятия морфологической идиомы связана с тем, что значение морфемы "нередко ущербно или формально, порой выступает в "снятом виде" /7, с.17/, а "сложный форматив" /7, с.15/ может иметь "опрошенную" структуру, т.е. "стертую" внутреннюю форму – состоять из нескольких десемантизованных морфем (в: я употребляю термины "стертый", "снятый", "опрошенный", "десемантизованный" в чисто синхронном смысле, без каких-либо претензий на историческую реальность соответствующих диахронических процессов).

Г. Выразителем мн.ч. признается суффикс "-д", а усечение считается "автоматическим" чередованием, происходящим на конце слова. В пользу этого решения говорит то, что в ХМЯ действительно запрещены стечения согласных на конце слова, и, т.о., компрессия финального согласного была бы здесь фонетически мотивированным явлением. Такое решение, однако, сталкивается с трудностями: если бы усечение конечной финали было бы автоматическим преобразованием, то оно бы не происходило в предвокальной позиции (ведь в предвокальной позиции сочетания согласных "рд", "нд", "лд" допустимы!), между тем в формах мн.ч. усечение происходит и в том случае, если за показателем мн.ч. следует формант, начинающийся с гласной. Ср. "ноёдын" ("князей"), "хаадаар" ("ханами"), "нехедөө" ("своих товарищей") и т.п. Если переформулировать правило, сказав, что компрессия происходит на конце лексем (а не словоформы), то оно уже перестает быть "автоматическим" (если не вводить в морфемный инвентарь специального "пограничного сигнала", характеризующего границу между лексемой и постфиксом).

4. Есть ли в ХМЯ морфонологическая вокалическая эпентеза? Или вокалическая синкопа? Или и то, и другое одновременно? Ответ на эти вопросы зависит от того, какую запись принимать за исходную – вокализованную или невокализованную, что само по себе представляет нетривиальную проблему.

Наиболее подробное описание монгольских звуковых чередований, предпринятое Дж.Стритом /16, с.17–45/, ориентировано на орфографический облик словоформ и потому, строго говоря, относится к "морфографемике", а не к морфонологии, однако значительная часть приводимых правил отражает реальные закономерности произнесения и, соответственно, может быть переинтерпретирована применительно к морфонологии. В описании Дж.Стрита исходная запись корневых и служебных морфем строится исходя из принципа минимальной вокализованности; соответственно, в морфонологических преобразованиях значительное место занимают правила вокалической эпентезы: $bodnag \rightarrow //bodoncoq//$ "батат"; $adil.vt\ddot{r} \rightarrow //adilavtar//$ "отчасти похожий". В силу "противоречия между парадигматической и синтагматической экономией" /2, с.94/ компактная форма исходной записи оборачивается усложнением инвентаря исходных элементарных единиц ("морфографем" по Стриту). Так, в консонантный инвентарь приходится вводить пары консонантных единиц, отличающихся, по сути дела, именно вокализованностью/невокализованностью: ср. вокализованные согласные //g, l, n, r, s, v// и невокализованные //g, l, n, x, s, v//. Диакритические значки в такой записи употребляются лишь затем, чтобы отличить "согласный" от сочетания "согласный + гласный". Несмотря на очевидную "неестественность" такого описания (по крайней мере применительно к устной форме языка, а не к орфографии), оно является в принципе допустимым, непротиворечивым.

Другой способ описания – использовать в качестве исходной записи вокализованный вариант, везде, где это соответствует произношению основного варианта данной морфемы, фиксируемому, напр., в /15/. При такой системе записи вокалическая эпентеза сводится к минимуму, но увеличивается удельный вес элизии и стяжения. Так, краткий гласный неверхнего подъема, транскрибируемый в /5/ как <А>, усекает-

ся перед дифтонгами и долгими гласными. Ср., напр., стяжение типа <хана> "где" + <аас> "от" ⇒ //ханаас// "откуда". Данное стяжение носит морфологический характер (в смысле /5/), о чем свидетельствует создаваемая им омофония словоформ: ср. <хан> "хан" + <аас> "от" ⇒ //ханаас// "от хана", где такого стяжения нет. Примером элизии могут служить случаи типа <хара> "смотреть" + <уул> "кауз." ⇒ <хара-уул> ⇒ //харуул// "показывать". Однако использование вокализованной исходной записи не позволяет полностью избавиться от вокалической эпентезы. Она так или иначе должна происходить в формах типа <сур> "учиться" + <-гчи> "акт. прич." ⇒ //сургчи// "учащийся"; <ол> "находить" + <=н> "деесп. образа действия" ⇒ <ол=н> ⇒ //олан// "находя" (орфогр. "олон"). Ср. омонимичную форму //олан// "много" или деепричастие <эраала> "пестреть" + <=н> "деесп. образа действия" ⇒ //эраалан// "пестря" (орф. "эрэалэн"), где наличие гласного //а// едва ли объяснимо с помощью вокалической эпентезы.

Таким образом, морфологическая интерпретация этих случаев (элизия или соположение? эпентеза или соположение?) зависит от выбора исходной записи, а этот выбор до некоторой степени условен.

Иногда на морфологическую трактовку фактов влияет и выбор фонологической транскрипции. Так, согласные //т//, //ц//, //ч//, //з//, //ж//, //п//, //х//, //ш// не могут встречаться в конце словоформы и в предконсонантной позиции. После них обязательно следует гласный, качество которого определяется окружением. Но если присутствие этого гласного обязательно, то оно, стало быть, не имеет смысло-различительной функции и потому может трактоваться как фонологический "нуль" (отсутствие фонемы). При такой трактовке исходная морфологическая запись, разумеется, будет также невокализованной. Таким образом, возможно три варианта фонологического описания данной позиции: (А) гласная фонема; (Б) отсутствие гласной фонемы (т.е. "нуль") и (В) нейтрализация гласной фонемы и ее отсутствие (насколько нам известно, классическая теория фонологических оппозиций не выработала понятия типа "архифонема" для описания нейтрализаций такого рода). Описание (А) допускает различные

морфологические трактовки соответствующих словоформ: (А1) гласная морфонема; (А2) отсутствие гласной морфемы; (А3) "нейтральная" архиединица. Описание Б подразумевает отсутствие гласной морфемы; описание В подразумевает признание морфологической нейтральности.

Итак, есть ли в ХМЯ морфологическая вокалическая эпентеза и эпитеза в позиции после соответствующих шумных морфем? При трактовках (А1), (Б) и (В) ее не будет, при трактовках (А2) и (А3) она есть. С другой стороны, есть ли в ХМЯ фонологическая эпентеза и эпитеза в указанных позициях? При трактовке (А) ее не будет, при трактовках (Б) и (В) она имеет место.

5. Есть ли в ХМЯ консонантная морфологическая эпентеза фонемы //г// между двумя долгими гласными (или дифтонгами)? Если транскрибировать аффиксы, в составе которых есть данное чередование //г// с нулем, как начинающееся сочетание двух гласных морфем, то ответ на этот вопрос будет положительным /5, с.120/. Ср. <нохай> "собака" + <аар> "инстр." ⇒ //нохайгаар// "собакой" (орф. "нохой-гоор"). Если же транскрибировать такие аффиксы как начинающиеся с морфемы <г>, предшествующей сочетанию двух гласных, то ответ оказывается отрицательным. Напротив, придется признать, что в ХМЯ есть выпадение <г> в позиции после согласных и кратких гласных перед сочетанием двух гласных (что, впрочем, фонетически менее естественно). Заметим, что в этом случае придется специально объяснять, почему не выпадает <г> в формах типа //бичигаар// (орф. "бичгээр" ("письмом")). Можно, напр., объяснять это тем, что указанное чередование происходит лишь в начале аффикса (перед границей => или <->), но это еще более понижает степень фонетической естественности правила. Если же транскрибировать корни, после которых происходит данное чередование, как кончающиеся на <г>, то эпентезы опять же не будет, а будет выпадение <г> в конце словоформы. При этом, однако, окажется необъясненным сохранение <г> при формах аккузатива "далайг" ("море"), "дэлхийг" ("мир"), "галууг" ("гусь"), "булууг" ("шишка на лбу") и его отсутствие в соответствующих формах номинатива. Введение особых единиц для описания

подобных случаев усложнит описание, но сохранит его непротиворечивость.

6. Нередко морфонологическая интерпретация зависит от того, какая из алломорфем некоторой морфемы выбрана в качестве исходной ("исходная алломорфема" – это приблизительно то же, что "исходная морфа" Ш /14, с.94/). Так, выбор исходной алломорфемы $\langle =\underline{д} \rangle$ ("датель") имплицитно подразумевает признание морфемного оглушения в постконсонантной позиции (после согласных $\langle \underline{б} \rangle$, $\langle \underline{г} \rangle$, $\langle \underline{р} \rangle$ и $\langle \underline{с} \rangle$): $\{=\underline{д} \} \Rightarrow \langle =\underline{т} \rangle$: напр., $\{ \underline{г} \underline{э} \underline{р} \}$ "дом, юрта" + $\{=\underline{д} \}$ "дат.п." $\Rightarrow \langle \underline{г} \underline{э} \underline{р} = \underline{т} \rangle$, орф. "гэрт". Однако если считать алломорфему $\langle =\underline{т} \rangle$ исходной, то приходится, напротив, трактовать данное чередование как озвончение в поствокальной и постназальной позиции: $\{=\underline{т} \} \Rightarrow \langle \underline{д} \rangle$: напр., $\{ \underline{н} \underline{о} \underline{м} \}$ "книга" + $\{=\underline{т} \}$ "дат.п." $\Rightarrow \langle \underline{н} \underline{о} \underline{м} = \underline{д} \rangle$, орф. "номд".

Выбрав в качестве исходной алломорфемы генитива $\langle =\underline{у} \underline{и} \underline{н} \rangle$, мы должны признавать в возвратно-притяжательных формах на $\{=\underline{а} \underline{а} \}$ либо (а) вставление пустой (соединительной) морфемной прокладки $\{=\underline{х} \}$, сигнализирующей о сочетании граммы генитива с граммами возвратности и притяжательности /12, с.116/, либо (б) морфемное наращение $\{=\underline{у} \underline{и} \underline{н} \} \Rightarrow \langle =\underline{у} \underline{и} \underline{н} \underline{х} \rangle$ в предвокальном контексте (заметим, фонетически неестественное!). Выбор же в качестве исходной алломорфемы генитива $\langle =\underline{у} \underline{и} \underline{н} \underline{х} \rangle$, напротив, заставляет нас либо (в) признавать морфемную компрессию в предконсонантной и в конечной позиции $\{=\underline{у} \underline{и} \underline{н} \underline{х} \} \Rightarrow \langle \underline{у} \underline{и} \underline{н} \rangle$, либо (г) признавать морфемную компрессию $\langle \underline{х} \rangle \Rightarrow //\emptyset//$ в тех же позициях (и то, и другое фонетически естественно). Решения (а') (признание двух омосемичных возвратно-притяжательных постфиксов $\{=\underline{а} \underline{а} \}$ и $\{=\underline{х} \underline{а} \underline{а} \}$, распределенных относительно грамматического предтекста) и (а") (признание двух алломорфем одного постфикса $\langle =\underline{а} \underline{а} \rangle$ и $\langle =\underline{х} \underline{а} \underline{а} \rangle$) приходится отвергнуть в силу их несоответствия требованиям "конклюзивности" /3, с.109/, т.е. выводимости частнолингвистических суждений из общелингвистических по правилам логического следования: (а") неприемлемо, т.к. алломорфемы одной морфемы могут быть распределены только относительно звукового контекста, а (а') неприемлемо, т.к. различие между отрезками $\langle \underline{а} \underline{а} \rangle$ и $\langle \underline{х} \underline{а} \underline{а} \rangle$ не является элемен-

тарным – оно коррелирует с падежным различием "не-генитив"/"генитив", и, значит, их различитель, отрезок $\langle \underline{х} \rangle$, является показателем генитива.

Вариант (б) не вполне удачен в силу фонетической неестественности. Однако выбор между вариантами (а), (в) и (г) – нетривиальная проблема. В пользу варианта (г), т.е. против (а) и (в), свидетельствует то, что правило $\langle \underline{х} \rangle \Rightarrow \emptyset$ является воистину автоматическим, т.е. не знает ни исключений, ни морфологических условий применения. Однако против него, т.е. в пользу (а) и (в), свидетельствует то, что оно применяется к одной-единственной морфеме (т.е. к морфеме генитива). Вместе с тем, в пользу варианта (а), т.е. против вариантов (в) и (г) свидетельствует то, что оно применяется к одной-единственной грамматической форме (т.е. к "ген.возвр. притяж."). Но против варианта (а), в пользу (в) и (г) свидетельствует нежелательность наличия "соединительных" ("пустых") прокладок в описании, т.к., вообще говоря, это явление морфологически противоестественно.

По-видимому, трудность интерпретации данного чередования связана с тем, что мы привыкли слишком механически полагаться на принцип, согласно которому "чередование не может быть значащим и обусловленным одновременно, если сами условия не значащи" /2, с.230/. Между тем внимательный анализ морфонологических явлений показывает, что как фонетическая обусловленность, так и "значимость" чередования – не дискретные, а градуальные параметры; это убедительно продемонстрировано в /8/, где речь идет о "степени фонетической обусловленности данного чередования в синхронном срезе языка" /8, с.195/ и о "степени семантизации альтернантов, степени их морфологизации в разных моделях словообразования и формообразования" /8, с.196/. Как правило, по мере убывания значения первого параметра возрастает значение второго, однако реально эта зависимость – непрямая, здесь возможны периферийные, смешанные и даже парадоксальные случаи, так что иногда мы сталкиваемся с "более или менее отчетливой семантизацией живых фонемных чередований" /8, с.199/. С одной стороны, усечение $\langle \underline{х} \rangle$ в предконсонантной и предконечной позиции автоматически, значит, это чередование – "живое"; с

другой стороны, альтернант <х> выступает ровно в одной грамматической форме и, таким образом, является ее показателем.

7. В ситуации альтернативных описаний нередко приходится "менять исходную систему понятий (добавлять новые критерии или требования и т.п.)" /9, с.219/. Напр., для контроверзы типа б (какая из алломорфем является исходной?) в ситуации логической равноправности решений можно предложить дополнительный критерий, напр., критерий частоты встречаемости: "один из альтернантов обладает гораздо большей употребительностью, чем другой, и является поэтому основным альтернантом" /1, с.171/ или простоты/сложности описания дистрибуции: считать исходным тот альтернант, "условия встречаемости которого имеют более сложное описание" /14, с.60/. В других случаях приходится признать, что исходный концептуальный аппарат описания был "недостаточно различительным" /3, с.114/, а само описание – "неконформативным" /3, с.109/, т.е. не учитывающим промежуточных, смешанных и противоречивых фактов языка. Значит, эту недостаточно различительную теорию "необходимо заменить другой, обладающей большей различительной способностью" /3, с.114/. Так, для решения проблемы 2 желательно было бы ввести представление о "сверхрегулярной морфологии" или, наоборот, "непоследовательной фонологии", которая будет охватывать сингармонические явления. Для решения проблемы 3 желательна разработка учения о "начальной степени семантизации" исторических чередований /8, с.198/. Для решения проблемы 4 необходимо выработать представление об автоматических вокалических призвуках как об особых фонологических единицах, промежуточных между фонемой и отсутствием фонемы. Для решения проблемы 6 приходится, в частности, вводить представление о "ненаправленных" чередованиях (типа <д>~<т>) в приведенных монгольских примерах). Для описания возвратно-притяжательных форм, видимо, надо ввести понятие о чередованиях, которые с равным успехом могут быть квалифицированы и как чисто морфологические (автоматические) (ибо обусловлены звуковым контекстом), и как чисто морфологические (ибо происходят в конкретной грамматической форме). Типологически сходный случай имеет место в глагольной системе

русского языка и других славянских языков: с одной стороны, у большинства глаголов "выделяется по две парциальные основы" /6, с.189/ – "презентная" и "непрезентная", ассоциируемые с соответствующими субпарадигмами (а значит, соответствующие звуковые преобразования имеют морфологическую функцию); с другой стороны, у большинства глаголов презентная и непрезентная основы автоматически выводимы из "основной формы полной основы" /11, с.199/ с опорой на звуковой контекст. Этот кажущийся парадокс объясняется тем, что окончания прошедшего времени и инфинитива – "консонантные", а окончания настоящего времени и повелительного наклонения – "вокалические" /11, с.202/. Напрашивается вывод, что в подобных случаях можно говорить о совмещении фонетической и грамматической обусловленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блумфилд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968.
2. Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей. М.: Наука, 1977.
3. Вардуль И.Ф. Основы описательной лингвистики. М.: Наука, ГРВЛ, 1977.
4. Касевич В.Б. Морфонология. Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1986.
5. Крылов С.А. О многоуровневом подходе к классификации звуковых чередований современного монгольского языка. – В кн.: Языки Азии и Африки (Фонетика. Лексикология. Грамматика). М.: Наука, ГРВЛ, 1985.
6. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1975. 327 с.
7. Маслов Ю.С. К семантической типологии морфем. – В кн.: Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния. М.: Наука, 1978.
8. Маслов Ю.С. О типологии чередований. – В кн.: Звуковой строй языка. М.: Наука, 1979.
9. Мельчук И.А. К проблеме выбора описания при неединственности морфологических решений. – Фонетика. Фонология. Грамматика. М.: Наука, 1971. с.211–220.
10. Соколовская Н.К. Некоторые семантические универсалии в системе личных местоимений. – Теория и типология местоимений. М.: Наука, ГРВЛ, 1980.

11. Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985.
12. Chao Yuen-Ren. The non-uniqueness of phonemic solutions of phonetic systems.- In: Readings in linguistics. 2.ed. Ed. by M.Joos. N.Y.: American Council of Learned Societies, 1958.
13. Dressler W.U. Morphology. Ann Arbor: Karoma, 1985.
14. Mel'cuk I.A. Towards a Language of Linguistics. A system of formal notions for theoretical morphology. München: Wilhelm Fink Verlag, 1982. (=Internationale Bibliothek für Allgemeine Linguistik.Hrg.von E.Coseriu.Bd.44)
15. Poppe N. Khalkha-Mongolische Grammatik. Wiesbaden:Franz Steiner Verlag GmbH.,1951. (=Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission. Band.I).
16. Street John C. Khalkha Structure. Bloomington: Indiana University, 1963.(=Uralic and Altaic Series,vol.24).

Латышева А.Н.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОГО ПОДЧИНЕНИЯ В СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

I. Постановка задачи

По мнению М.И.Черемисиной, важнейшая отличительная особенность сложных предложений, типичных для алтайских языков, состоит в том, что словоформа, называющая предикативный признак в составе зависимой предикативной единицы, одновременно выражает и факт синтаксического подчинения, и содержательный характер связи (см., напр. /7/).

В этом определении специфики синтаксических структур алтайских языков можно увидеть развитие некоторых идей А.А.Холодовича, высказанных им при анализе сложных предложений корейского языка /6, с.273-275/. Но если А.А.Холодович, говоря об отношении главной и зависимой части, не уточняет характер этого отношения, то М.И.Черемисина строит определение сложных предложений разных типов, четко разделяя понятие синтаксического и смыслового отношения.